

Сквозь черноту проступало красное, аллеющее багрянцем марево, застилающее глаза. Боль. Нестерпимая боль, вворачивающая наизнанку. И ужас неизбежности, сжимающий в своих крепких объятиях.

— Нееееееееееееееееееееееееееет! Аааааааааааааааа! Не хочу! Нееееееееет!

Содрогаясь каждой клеточкой своего тела, вспоминая то, как меня два раза размазало по земле, перемалывая внутренности в мелкие ошмётки, я не сразу поняла, что меня окутывает знакомый запах ванилина и моющего средства, смешанный с ароматом цветов. По голове меня нежно гладила знакомая с детства рука. Объятия укрывали меня от всех невзгод, даря тепло и заботу. Я вцепилась в футболку мамы, вжимаясь в её мягкое тело.

— Цу-чан, всё хорошо. Ну, ну. Успокойся. Вдохни, а затем выдохни. Попробуй? — Меня поцеловали в висок.

Перед глазами всё расплывалось от красного марева. Я поняла, что это воспоминания о том, как глаза застилала моя собственная кровь. Сжимая в пальцах ткань маминой футболки, я, как она мне и сказала, вдохнула, а затем выдохнула, и так повторила несколько раз.

Кровавая дымка начала растворяться. Я увидела ворот маминой футболки и щекочущие ноздри тёмно-каштановые волосы.

— Полегчало? — мамина рука касалась моей спины, нежно поглаживая её.

— Да...

— Вот и хорошо. — Мама расцепила объятия и села рядом со мной на матрас.

Цуна, успокойся. Приди в себя. Нельзя показывать маме волнение и страхи. В её чреве таится маленькая прекрасная жизнь, крошечный плод, и нельзя беспокоить маму. Я ни за что не прощу себе, если с ней или плодом что-то случится.

Я смотрела перед собой, взгляд упирался в стену, разглядывая цветочный узор на обоях. Нежно-розовый цвет, мило нарисованные астры и пионы. Всё хорошо. Всё в порядке. Покажи это маме.

— Дурной сон? — Мама положила руку мне на плечо, заглядывая в лицо.

Я кивнула, накрывая её нежную руку своей ладонью.

— Очень страшный, мама. Самый страшный сон, но это... лишь сон.

Просто сон. Сон. Это сон. Да, сон.

— Расскажешь, о чём он был? — мама смотрела на меня обеспокоенно, но старалась улыбаться.

Я тоже улыбнулась, сама сжимая зубы до боли.

— А вдруг он из-за этого станет реальностью? Не хочу!

— Ты такая милая, Цу-чан, — нежная рука вновь ласково провела по моим волосам, — ты же не маленькая.

— Знаю. Прости...

— Иди умойся, должно помочь, — она встала с кровати, и ладонь пропала с моей головы; стало пусто, — а потом спускайся вниз, покушаешь.

— Хорошо, — я послушно кивнула.

Мама ушла, и я позволила себе упасть лицом в подушку, кусая зубами наволочку. Так страшно. Сперва фура превратила меня в паштет, потом фонарный столб расплющил меня... Почему я вообще решила тогда, что мне приснился вещий сон? Это грёбанная реальность! Реальность!

Я била кулаком по матрасу. Наволочку пропитали слюна и слёзы. Так страшно просыпаться после смерти, а не умирать. Понимание того, что это — третий раз, сводит с ума.

Это что, День сурка?

Мне с трудом удалось расстаться с подушкой. На нетвёрдых ногах, чувствуя, как меня мутит, я вышла из комнаты и зашла в ванную. Из зеркала на меня смотрело чудовище с опухшими, заплаканными глазами. Синие круги зияли как чёрные дыры посреди смертельно бледной кожи. Я была похожа на живого мертвеца. Каштановые волосы лежали в беспорядке. Да я прямо как зашики-вараши, обитающая в домах где-нибудь под кроватью и вылезшая на свет божий. Какая мерзость.

Я открыла кран с холодной водой и принялась умываться, но лучше мне не стало. Разогнанная кровь больно жалила, из-за чего лицо ещё сильнее распухло и покраснелось. Вытеревшись полотенцем, я только хотела покинуть ванную, но замерла.

Что мне делать? Как быть? Почему двадцать девятое апреля повторяется? Или оно откатывается обратно?

Руки непроизвольно обвили тело, имитируя объятия мамы.

Как бы поступил на моём месте герой манги?

Я вздохнула и шлёпнула себя по щекам. Раздался звонкий, чистый звук.

Я не в порядке, но я в порядке. Просто не буду никуда выходить сегодня. Если на улице мне грозит опасность, то я просто не буду покидать мою крепость!

Решительно выйдя на лестницу, я ступила на ступеньку и, запнувшись, покатила по ней вниз. Кубарем долетев до самого низа, я услышала испуганный вскрик мамы.

— Цу-чан! — Она подлетела ко мне и принялась ощупывать. — Ты в порядке? Цела? Руки-ноги целы? Ничего не сломано?

Я прислушалась к своим ощущениям, но нет, с переломами ничего общего. Уж я-то знаю, два раза умерла, как-никак.

— Просто упала, мам. Всё нормально.

— Не врешь? — Испуг в глазах.

— Нет.

Встав с пола, я потёрла отбитые бока и задницу. Мне удалось доковылять до кухни. Мама, прижимая руки к груди, зашла за мной следом. Я поймала себя на мысли, что иногда копирую её своим поведением, прижимая руки к груди и животу.

Из тарелки на меня смотрела яичница с беконом и тост с джемом. Ничего нового. Мама поставила передо мной кружку с кофе и села напротив меня. Я отковыряла от яичницы кусочек и положила его в рот, и меня чуть не скрутило от рвотного спазма.

— Цу-чан?!

Я проглотила яичницу и запила её кофе. Слёзы катились по щекам. Нет, это выше моих сил. Меня вывернуло прямо за столом.

— Мам, можно я сегодня не пойду в школу?.. — содрогаясь в рыданиях, взмолилась я.

— Да, милая... Да... — Мама плакала вместе со мной.

Ну вот, я всё же её расстроила.

Взяв с собой стакан с простой водой, я поднялась к себе в комнату. Во рту стояла горечь. Желудок потяжелел, его точно накачали чем-то, но он был девственно пуст. Комната встретила меня беспорядком и разбросанными тут и там книжками, дисками и одеждой. Я взгромоздилась на кровать и, закутавшись в одеяло с головой, уткнулась во влажную подушку.

Сама не ожидала, что происходящее и воспоминания о двух прожитых днях так утомят меня, но я задремала.

Я широко распахнула глаза, не понимая, где я. Голова радостно отозвалась болью в висках. Поднявшись на локтях, я выпуталась из кокона одеяла, видя раскиданные по постели длинные волосы.

Почему голова такая тяжёлая?

Очень хотелось есть.

Я спустила ноги на пол и встала. Стоило только открыть дверь в коридор, как мой нос уловил запахи еды. Что-то знакомое. Я повела носом. Мясо с овощами, да?

Меня несло вниз по лестнице как на крыльях. Я даже не упала. Стоило мне войти в кухню, как я увидела большую кастрюлю. А-а, карри. Ну, тоже неплохо. Замечая, что за окном чуть стемнело, я немного удивилась, но не придавала значения. Вместо этого я сняла крышку с кастрюли и взглянула на её содержимое.

Из прихожей доносились голоса. Водрузив крышку обратно, я поражённо отметила для себя, что почти сырое карри находится на незажжённой конфорке. Надо её зажечь.

— ...Спасибо, что зашёл. Она так напугала меня сегодня. Может, приход одноклассника поможет ей развеяться. — Услышала я голос мамы.

Пришёл кто-то из школы? Стоп, я не была в школе?

Моя рука коснулась клапана, собираясь повернуть его.

— Аха-хах, буду рад, если мой приход действительно чем-то поможет...

Меня как громом поразило. Ямамото Такеши. Такеши... Этот смех, этот голос я ни с чьими не

перепутаю!

В тот момент, когда я почти повернула клапан, мой взгляд скользнул по электронному табло плиты. 18:41. Но уже было поздно, я повернула клапан. Воспоминания вереницей остудили мою праздно ничего не помнящую голову, и я смутно догадалась, что сейчас произойдёт. Термостат для регулировки температуры и электронный программатор полетели к чертям собачьим. Плита сломана.

Ох, я прямо как Икар, прикоснувшийся к тому, к чему не следовало.

— Цу-чан, тебе уже лучше? — Услышала я голос мамы.

Я резко обернулась. Мама и Такеши замерли на пороге кухни. Такеши приветливо мне улыбнулся и помахал рукой.

— Бегите! — только и успела крикнуть я, как плита взлетела на воздух, поглощая меня в пламени и нестерпимом жаре.

Всё было пламенно-алым, а затем стало темно, и сознание отключилось.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/47222/1126312>